

Жихарев С.П.

Записки современника

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Ж75

Жихарев С.П.
Ж75 Записки современника / Жихарев С.П. – М.: Книга по Требованию, 2014. –
733 с.

ISBN 978-5-518-95286-7

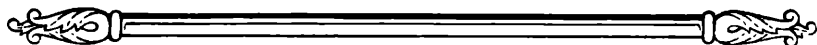
репринтное издание

ISBN 978-5-518-95286-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014
© Жихарев С.П., 2014

С . П . Ж И Х А Р Е В

З А П И С К И
С О В Р Е М Е Н Н И К А

О Т И З Д А Т Е Л Я ¹

«Записки современника» остались после покойного князя Степана Степановича Борятинского² в письмах к нему близкого его родственника С. П. Жихарева, с которым, несмотря на разность в годах и на обстоятельства, их разлучавшие, он соединен был, сверх уз родства, искреннею и безусловною дружбою до самой своей кончины.

Князь Борятинский еще при жизни своей успел пересмотреть все эти письма и сделать им строгий разбор: из одних многое, по разным отношениям и уважениям, исключил, другие совсем уничтожил, остальные приведены им в периодический порядок двух «Дневников»: а) Студента, с 1805 по 1807 год, и б) Чиновника, с 1807 по 1819 год, к которым объяснения и замечания сделаны прежде князем, а впоследствии самим С. П. Жихаревым.

Эти «Дневники», кроме собственных приключений писавшего, заключают в себе живую панораму большей части тогдашних современных лиц и происшествий. Трудно настоящим образом судить о степени теперешней их занимательности, ибо самое занимательное в них большею частию уничтожено; но кажется, что и в настоящем виде они не лишены интереса, который, по мере продолжения «Записок», возрастает, точно так же как возрастает неопытный, откровенный и словоохотливый студент в наблюдательного и деятельного чиновника, познакомившегося короче с жизнью и ее превратностями.

СТЕПАН ПЕТРОВИЧ ЖИХАРЕВ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

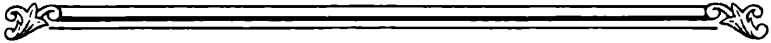

ДНЕВНИК
СТУДЕНТА

*Если нам так приятно встречать
давно знакомых людей, то еще приятнее
встретиться с самим собою в прежней
мысли, в прежнем чувстве или в прежнем
происшествии.*

Дневник, 13 мая 1805 г.

1805-й год

2 января, понедельник.

Не беспокойся, любезный брат, я не перестану быть твоим неизменным Гриммом.¹ Писать к тебе обратилось мне в привычку. Благодарю за присылку денег; теперь, вероятно, не одна красненькая запечатывается в пакет для подарка новому студенту. Звание мое не безделица и порадует моих домашних. Ожидаю непременно экстраординарной благости. Правду сказать, если б кто шесть месяцев назад вздумал предрекать мне, что в нынешний новый год я поеду поздравлять родных и знакомых моих в синем мундире с малиновым воротником и при шпаге, я бы принял это за обидную насмешку. Однако ж это сбылось. Конечно, прилежания, трудов и хлопот было немало, но что значило бы все это без помощи и содействия доброго моего Петра Ивановича?* Он об успехах моих заботился более меня самого. Математика мне не очень далась; но на нее не обратили внимания, и Алексей Федорович** — дай бог ему здоровья — сильно поддерживал меня.

Вчера ездил с поздравлением к графу Ивану Андреевичу,**³ Ивану Петровичу Архарову, к тетке Вишневецкой, к брату Ивану Петровичу,**⁴ к Аксеновым и к Кудрявцевым; разумеется, заезжал и к Лобковым — как хорошеет Арина Петровна! Нельзя довольно

* Магистр Богданов.

** Мерзляков, адъюнкт-профессор.

*** Остерман, государственный канцлер.

**** Поливанов, впоследствии сенатор.

налюбоваться ею; что за глаза! И эту красавицу, к общей досаде нашей, мать зовет Орюшкою! Звали вечером танцевать; танцами распорядится будет Йогель. Танцы не по моей части, но как не полюбоваться олицетворенною Терпсихорою!

Граф Иван Андреевич добивался, сколько мне лет и куда я намерен определиться в службу.¹ Не хотел верить, что мне только 16 лет. Не советовал служить в архиве, но ехать прямо в Петербург и определиться в коллегии,² сперва на черную работу; обещал дать к кому-то письмо; обласкал, однако ж не посадил. Старик чем-нибудь огорчен или угрюм по природе. Зато как обнимал меня Иван Петрович Архаров!³ Созвал все семейство смотреть на мой мундир и чего-чего не наговорил: называл милым, умницею, родным и проч. Заставлял насильно завтракать, приглашал обедать, хотел пить шампанское за мое здоровье — словом, я не знал куда деваться от его нежностей. Говорят, что он со всеми таков, и чем малозначительнее человек, тем больше старается обласкать его. Это мне растолковала тетка, которая, бог знает почему, называет эту приветливость кувырканьем; иначе я мог бы возмечтать о себе и бог знает что! Между тем я сегодня попал туда, куда бы и ездить не следовало. Кудрявцев, в великой заботе о моих знакомствах, возил меня к графу Михаилу Федотовичу Каменскому,⁴ бог весть зачем, разве только для того, чтоб похвастаться своими связями и что он некогда в кадетском корпусе преподавал графу немецкий язык. Граф, бесспорно знаменитый полководец и недаром фельдмаршал, но мог бы и не уничтожать меня своим приемом: «В какой это ты, братец, мундир нарядился? В полку бы тебе не мешало послужить солдатом: скорее бы повитерли». И только. Не посадил; простоял больше часу, покамест старики вдоволь не наговорились о прежнем житье-бытье: видишь, в их время будто бы все было лучше. Немудрено: в их время у них зрение было острее, слух был тонее и желудок исправнее.

Таскался по профессорам: я начал с Страхова и кончил Снегиревым. Добрые, благонамеренные, почтенные люди! все время жизни своей посвящают другим, в непрерывных трудах, а с нашей стороны признательности немного. Вот, например,

хоть бы взять Никифора Евтроповича.* До сих пор, как только появится на кафедре, так тотчас наши шалуны и давай повторять третьегоднийшую его фразу: «Оное Гарнеренево воздухоплавание не столь общеплезно, сколько оное финнов Петра Великого о лаптях учение есть».¹ Разумеется, конструкция фразы смешна, да зато в ней есть глубокий смысл.

Обнимался с Алексеем Федоровичем и Буринским, который написал превосходные стихи. Сказывали, что С. Смирнов переводит «Kabale und Liebe», которую разыгрывать будут на пансионском театре.² Хотят мне назначить роль Вурма, потому что я смугл и тощ, а главное, потому что ее никто не берет. Благодарен; будет с меня и Франца Моора, которого отхлестал я, к полному неудовольствию переводчика.**

3 января, вторник.

Обедал у князя Михаила Александровича Долгорукова и время провел чрезвычайно приятно. Князь попрежнему такой же любитель театра и покровитель русских актеров. Я встретил у него Плавильщикова, Померанцева, Украсова и Злова. Сила Николаевич Сандунов перестал к нему ездить, и о нем не жалеют. Бойкий талант, ума палата, язык — бритва, но неуживчив. За обедом много рассуждали о театре и театральном искусстве. Ораторствовал Плавильщиков. В качестве действительного студента позволил я себе некоторые возражения, что нашему Росциусу, кажется, было не по нраву, особенно когда я упомянул о петербургских актерах Шушерине и Яковлеве. «Шушерин еще и так и сяк, — сказал он, — но Яковлев неуч». Я не видал их, следовательно защищать не мог. Плавильщиков написал новую комедию «Братья Своеладовы», которая представлена будет в его бенефис. Злов сказывал, что в половине месяца пойдет и моя опера «Любовные шутки», которую переводил я по заказу Соломони.³ Эта глупая страсть к театру отнимает у меня пропасть времени. С завтрашнего числа запрошу дня на три дома, чтобы выиграть пропатанное время.

* Профессор Черепанов.

** Ник. Ник. Сандунов.

6 января, пятница.

Большой бал у Высоцких.¹ Кузины наши показывали мне свои наряды: кружева, кружева и кружева; есть в четверть аршина шириною. Много денег оставлено в магазине мадам Обер-Шальме! Достаточно было бы на годовое продовольствие иному семейству. Недаром старики эту Обер-Шальме переименовали в Обер-Шельму.² Мы с Петром Ивановичем ездили взглянуть на освещенные окна дома Высоцкого. Вся Басманная до Мясницких ворот запряжена экипажами: пуги, пуги и пуги. Кучерам раздавали по калачу и разносили по стакану пенника. Это по-барски. Музыка слышна издали: экосез и а-ла-грек так и заставляют подпрыгивать.

8 января, воскресенье.

Были на пирушке у Гаврилы Ивановича Мягкова.* Домик на Мясницком Валу прехорошенький, жена красавица в полном смысле слова. Счастливец! Домик и жена приобретены трудами; тем более они для него драгоценны. Пили пунш и слушали игру хозяина на арфе — прекрасно! Как находит он время заниматься музыкою! Геометрия и музыка, арфа и фортификация как-то не гармонируют между собой. Все были несколько навеселе, и Алексей Федорович острил беспрестанно. Нет человека любезнее его, когда он нарасспашку. Я все смотрел на хозяйку: какой бы этюд для Тончи! Завтра приглашает нас И. И. Дмитриев на вечер. Петру Ивановичу нельзя: у него вечерние уроки у Скульских и графинь Гудовичевых. Поеду один.

9 января, понедельник.

У Ивана Ивановича никого из записных охотников читать стихи свои не было. Зато сам хозяин заставил меня прочесть послание его к Державину в ответ на присланные стихи без подписи нашего Пиндара.³

Бард безымянный, тебя ль не узнаю?
Орлий издавна знаком мне полет,
Я не в отчизне, в Москве обитаю,
В жилище сует!

* Преподаватель фортификации.⁴